

младший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации; соискатель Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Россия, г. Москва

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

*В данной статье автор подробно анализирует теории справедливой войны. Обращаясь к классическим постулатам данных теорий (принципы вступления в войну и принципы ведения военных действий), автор анализирует, насколько «справедливым» является задействование миротворческих контингентов ООН при урегулировании конфликтов. С одной стороны, проведение миротворческих операций имеет своей целью остановить кровопролитие, а «справедливость» участия миротворческих контингентов также связана с задействованием мирового сообщества в урегулировании конфликта через миротворческие силы ООН. В то же время ООН не является актором-государством, в отличие от того, как это представлено в рамках классических постулатов теории справедливой войны. Для анализа действий негосударственных акторов автор прибегает к неклассическому подходу американского эксперта Н. Фоушина. Автор поднимает вопросы о соблюдении принципа легитимности власти (представленность стран в Совете Безопасности ООН, активное финансирование западными партнерами Фонда ООН, Фонда Комиссии по миростроительству, а также фонда Управления по координации гуманитарных вопросов), а также об отсутствии корреляции между списком стран, предоставляющих миротворческий контингент и кругом государств, принимающими политические решения относительно мандатов операций. Также с проведением миротворческих операций связано соблюдение принципов *jus post bellum*, появившихся в научном дискурсе относительно недавно (пропорциональность требований по отношению к проигравшей стороне, восстановление прав суверенитета и территориальной целостности проигравшей стороны, пропорциональность наказания политического руководства и военных в соответствии с долей ответственности за принимаемые ими решения,*

вопросы компенсации и репараций, вопрос политической реконструкции и восстановления политической системы проигравшей стороны). Вследствие возможного несоблюдения ряда принципов справедливой войны (принцип легитимности, принцип правого дела, принцип вероятности успеха, принципы *jus post bellum*), отдельные миротворческие операции могут не оцениваться рядом политических акторов как «справедливые».

Ключевые слова: «справедливая война», справедливость, ООН, *jus ad bellum*, *jus in bello*, *jus post bellum*, миротворческие операции.

Как и само обсуждение «войны» в разных ее форматах (гибридная война, информационная война) не покидает наше ежедневное информационное поле, а количество конфликтов с каждым годом варьируется (9) [21], так и представления о справедливой войне, имеющие долгую и плодотворную историю, продолжают существовать в современном философско-политическом дискурсе, трансформируясь под новую эпоху [7].

Насколько актуальна данная теория для анализа миротворческой деятельности? Можно ли предположить, что все миротворческие операции ООН в рамках теории «справедливой войны» априори являются несправедливыми, так как могут интерпретироваться как внешнее вторжение на территорию пострадавших государств? Рассмотрим данные вопросы в рамках предложенной теории, обратившись к исходным постулатам теоретического осмысления справедливости и несправедливости войн.

Теория справедливой войны: основные постулаты. Нормативная теория справедливой войны состоит из группы теорий, представляющих собой теоретическое осмысление справедливости войн. Теоретические обоснования справедливости войн состоят из принципов вступления в войну (*jus ad bellum*) и принципов ведения боевых действий (*jus in bello*).

К принципам вступления в войну относятся исключительное право легитимной власти начать военные действия (принцип легитимной власти), право начать военные действия, имея обоснованный мотив (принцип правого дела), принцип добрых намерений, наличие объективных шансов на успех в случае вступления в войну (принцип вероятности успеха), принцип крайнего средства (т.е. вступление в войну после исчерпания всех попыток мирного урегулирования конфликта), принцип соразмерности потерь целям военных действий (принцип соразмерности).

К принципам *jus in bello* (процесса ведения военных действий) относятся обеспечение безопасности для мирных граждан (нонкомбатанты не должны становиться объектом военных действий), соразмерность между стратегическими и тактическими преимуществами. Однако в связи с трансформацией международного пространства в целом и появлением новых особенностей (3), которых не было во времена формирования теории спра-

ведливой войны, представляется важным задаться вопросом, каким образом соблюдаются данные принципы в современное время, в частности, при анализе миротворческих миссий в рамках данной теории.

Теория справедливой войны: современное время. Обозначая факт изменения международной обстановки, стоит остановиться на ряде существенных факторов, связанных с изменениями самой теории справедливой войны.

Негосударственные акторы на мировой арене.

Одним из существенных изменений явилось наличие негосударственных акторов на мировой арене, что в конечном счете привело к варианту трансформации классической теории для анализа современных событий.

В этой связи примечательным кажется подход американского исследователя Николаса Фоушина, описанный в статье «Две теории справедливой войны» [17]. Автор предлагает в дополнение к классической теории справедливой войны (Regular Just Theory) использовать новое прочтение данной теории – неклассическую теорию, сосредоточенную на противостоянии «государство – против – негосударства» (Irregular Just Theory). Однако отметим, что неклассическая теория отличается в основном тем, что в процессе конфликта государство продолжает следовать постулатам классической теории, в то время как негосударственные акторы действуют в рамках неклассической теории.

Так, вследствие отсутствия легитимной власти у негосударственных акторов, для неклассической теории справедливой войны отменяется принцип легитимности власти.

В то же время, принимая во внимание, что негосударственные акторы могут не иметь своей территории и постоянно перемещаться, и найти варианты взаимодействия (переговоры, посредничество) может оказаться невозможным, для государства предусмотрена отмена принципа крайнего средства.

Также, так как сама деятельность негосударственных акторов против государства можно рассмотреть, как угрозу легитимной власти, с точки зрения Н. Фоушина, со стороны государства становится возможным использовать превентивные действия против негосударственных акторов. В данном случае различия между упреждающим ударом и превентивными действиями стираются, и государство заведомо имеет право обезопасить себя, нанеся удар первым (10).

Таким образом, в рамках современного прочтения теории справедливой войны наличие негосударственных акторов на международной арене допускается, однако влечет за собой отмену принципа легитимной власти, принципа крайнего средства и использование превентивных действий. В то же время, исключая данные принципы, столкновение между государством и негосударственными акторами становится возможным интерпретировать как

«справедливую войну» со стороны государства, так как направлено на актора, не представляющего легитимную власть. Одновременно с этим, несмотря на игнорирование принципов *jus ad bellum* (принципов вступления в войну), впоследствии государство может игнорировать и правила ведения войны (*jus in bello*).

Jus post bellum современных войн.

Вопрос завершения войны и восстановления государств получили свои очертания в принципах *jus post bellum*, описывающих ряд важных положений: пропорциональность (требования по отношению к проигравшей стороне должны соответствовать мере причиненного ущерба), восстановление прав суверенитета и территориальной целостности проигравшей стороны, пропорциональность наказания политического руководства и военных в соответствии с долей ответственности принимаемых ими решений, вопрос компенсации, вопрос политической реконструкции и восстановления проигравшей стороны-агрессора [10].

Интересно здесь же привести точку зрения Л.В. Якушева [18]. По мнению исследователя, принципы *jus post bellum* могут быть актуальными не только после завершения справедливой войны, но и для заблаговременной оценки справедливости потенциальной войны за счет ведения контроля по восстановлению пострадавшего агрессора, а также оценивания соразмерности применения военной силы по отношению к потерям, причиненным данной военной силой. Данный фактор становится особенно актуальным при продумывании миротворческой миссии ООН. Часто случается, что затраты на организацию операции могут быть не до конца запланированы, в результате чего затягивается не только выполнение мандата миссии, но также снижается и качество миротворческой операции, что в итоге может сказаться и на обстановке в регионе в целом.

Вопрос миротворчества в теории справедливой войны. Несмотря на то, что на первый взгляд может показаться, что миротворчество не связано с теорией справедливой войны, в последние десятилетия в данной теории появились обертоны, связанные с миротворческими операциями.

В рамках предложенной теории миротворческую деятельность можно рассматривать как синтез двух основных подходов: с одной стороны, наличие цели прекратить военные действия может оправдывать миротворческие операции, с другой стороны – миротворческие операции можно рассматривать как справедливые действия вследствие их субъекта, в лице которого выступает мировое сообщество в целом [20; 14].

В данном случае речь может идти лишь об операциях по установлению мира, в рамках которых часто задействуется силовой компонент.

Однако для анализа миротворческой деятельности в рамках классической теории справедливой войны существуют существенные препятствия.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что миротворческие операции в основном организуются не государствами, но международными организациями, например, в рамках ООН. В таком случае использовать классическую теорию справедливой войны едва ли представляется возможным: классическая теория, выдержанная в духе реализма, не учитывает наличие негосударственных акторов на международной арене. Решением данного вопроса может стать рассмотрение миротворческих действий международного сообщества в рамках неореалистской парадигмы.

Также допустимо анализировать миротворческие операции в рамках подхода Н. Фоушина, допускающего современное прочтение классических постулатов: государственные акторы анализируются в рамках классической парадигмы теории справедливой войны, а негосударственные акторы – в рамках неклассической (Irregular Theory) (8).

Во-вторых, на практике встает ряд важных, ключевых вопросов для миротворческой деятельности ООН, без разрешения которых, миротворческую деятельность с натяжкой можно рассматривать в рамках теории справедливой войны: 1) кто именно и каким образом воплощает волю мирового сообщества в миротворческих операциях? (вопрос соблюдения принципа легитимной власти); 2) какие цели преследуют миротворцы на месте во время проведения миротворческих операций? (выдерживание принципа правого дела); 3) насколько результативны и успешны миротворческие операции в действительности? (воплощение принципа вероятности успеха и принципов *jus post bellum*).

Остановимся на соблюдении данных принципов более подробно.

ООН и «legitimum imperium» (6).

В соответствии с Уставом ООН, главная роль по организации миротворческой операции принадлежит именно Совету Безопасности, который разрабатывает мандаты на проведение миротворческих операций, контролирует выполнение задач и принимает решение о достижении поставленных задач миротворческой операцией.

Однако на практике организация работы Совета Безопасности может показаться спорной.

Во-первых, многие отмечают, что состав СБ не отражает структуру современного мира, так как в состав постоянных членов Совета Безопасности входит лишь 5 стран (Великобритания, Франция, США, Россия и Китай) (4).

Здесь же нельзя проигнорировать тот факт, что миротворческим вопросом в структуре ООН занимаются несколько департаментов, функции которых даже дублируются, но представители развивающегося мира в работе департаментов задействованы не всегда (7).

Возможно, активное привлечение представителей Западного мира по сравнению с государствами-реципиентами связано с активным финансированием западных стран вопросов миротворчества.

Так, проанализировав финансирование Фонда ООН, а также Фонда Комиссии по миростроительству и Управления по координации гуманитарных вопросов, можно увидеть, что лидерами по предоставлению финансовой помощи структурам ООН являются Германия, Канада, Австралия, Швеция, США. Как было не раз замечено другими исследователями, многие государства не раз стремились преследовать собственные политические цели за счет помощи миротворческому движению.

Более того, данные обстоятельства становятся еще более очевидными при анализе стран-поставщиков воинских и полицейских контингентов.

Так, по данным за 2021 год, в первую десятку стран, предоставивших миротворцев, входят Бангладеш, Эфиопия, Непал, Руанда, Индия, Пакистан, Египет, Индонезия, Китай и Гана.

Таким образом, раскол стран на развитый Север и неразвитый Юг прослеживается с самого начала на уровне структур Организации Объединенных Наций. Данные обстоятельства вполне возможно назвать нарушением принципа легитимной власти, так как имея подобный уровень структур, становится сложным утверждать, что ООН является воплощением воли всего мирового сообщества.

Здесь же стоит коснуться и непосредственных лиц, представленных в местах размещения операций. Лишь в последнее время ООН усилила борьбу против совершения противоправных действий со стороны персонала миссий ООН. Прежде наблюдалась существенная проблема в привлечении лиц, совершивших насильственные действия, в том числе сексуального характера, к суду. Также существует и серьезная правовая преграда в структуре ООН: не все государства, связанные с участием в миротворческих миссиях, подписали, например, Устав Международного уголовного суда, вследствие чего граждане данных государств могут избежать уголовного преследования после совершения преступлений.

Немаловажным вопросом также становится делегирование функций ООН региональным организациям, что также вновь ставит вопрос о легитимности власти. Например, подобное делегирование функций НАТО со стороны ООН в июне 1999 г. привело не только к продвижению интересов военного блока в Балканском регионе (отметим, что на сегодняшний момент все государства, за исключением Сербии, являются странами-членами НАТО), но и нарушению международного законодательства в части признания Косово как суверенного государства.

Все вышеприведенные обстоятельства в конечном счете накладывают серьезный отпечаток на миротворцев со стороны мирного населения, что не может служить подтверждением принципа легитимной власти.

Миротворчество как воплощение принципа правого дела.

Зачастую миротворческие операции, организуемые международным сообществом, преследуют не только цель остановить военные и насиль-

ственные действия, но и наладить мирную жизнь, восстановив работу административных структур и инфраструктуры, а также реформировав политическую систему разрушенных государств. При этом следует учитывать, что реформы в основном движутся по западным образцам и ценностям, стремящимся к гендерному равенству, усилению роли женщины в политическом процессе, демократизации институтов.

На практике подобное реформирование не обходится без конфликтов, приводящих к организации информационных кампаний против миротворцев, или нападений на миротворческий персонал, что может свидетельствовать о возможном неодобрении проводимых реформ со стороны местного населения и о недоверии к международному персоналу в местах размещения миссий (1).

Миротворчество: принцип вероятности успеха и принципы jus post bellum.

Не внушают доверия и результаты проведенных миссий. Например, миссии ООН в Африке стоят в регионе не менее 8-10 лет, а перспективы выведения миротворческих контингентов в ближайшее время не намечаются, что едва ли можно сравнить с принципом вероятности успеха.

Более того, существует и статистика печального опыта миротворческих операций, когда после вывода миротворческих контингентов ситуация в регионе не просто не менялась, но стала хуже, что также не соотносится с данным принципом (2).

В связи с вышеизложенными обстоятельствами перед миротворчеством ООН также встает вопрос соблюдения принципов jus post bellum (5), при которых до организации миротворческих операций необходимо провести комплексный анализ, выявить все риски и по возможности детально продумать пути реконструкции мирной жизни в разрушенном регионе. Однако в действительности, миротворческий контингент редко покидает постконфликтный регион раньше, чем через 3 года. Как правило, во время проведения миротворческой операции часто наблюдаются стычки с мирным населением, нападения на миротворческий контингент и технику.

Итак, проанализировав миротворческую деятельность ООН в рамках теории справедливой войны, можно прийти к выводу, что вследствие нарушения принципа легитимной власти, принципа правого дела (в данном случае каждую миротворческую операцию необходимо анализировать отдельно), вследствие несогласованных действий западных держав (а также недопущения развивающихся стран в управление ООН), складывается ситуация, когда миротворческие действия международного сообщества (в лице ООН, например) могут негативно оцениваться со стороны развивающихся государств, в результате чего могут быть нарушены отдельные принципы «справедливых войн». В результате нарушения таких принципов, как принцип легитимности, принцип правого дела, принцип вероятности успе-

ха, принципы *jus post bellum*, миротворческая деятельность ООН при наличии ряда факторов может быть оценена международным сообществом как «несправедливая война».

Для урегулирования данного вопроса могут быть предприняты следующие меры: более активное привлечение представителей развивающегося мира в административные структуры ООН (речь идет не только о департаментах, связанных с организацией миротворческих операций), приостановка делегирования функций ООН таким региональным организациям, как, например, НАТО, в первую очередь выполняющую функции военного блока, строгий контроль за поэтапным восстановлением мирной жизни и инфраструктуры в разрушенных государствах, проведение реформ административных структур на пострадавших постконфликтных территориях, учитывая местный колорит и менталитет.

Теория справедливой войны имеет долгую и по-своему плодотворную историю. Начавшись с подходов к ведению военных действий еще во времена античности, данная теория сыграла непосредственную мотивирующую роль в создании органов международного права, например, Лиги Наций и ООН [12], и продолжает играть важную роль не только как нормативная теория военных действий в современных конфликтах (о чем могут свидетельствовать такие варианты трансформации теории в Новейшем времени, как подход Николаса Фоушина или варианты с наличием принципов *jus post bellum*), но и как инструмент проведения действенной пропаганды среди населения [1], а также обоснование правильности своей позиции [5; 6; 8; 13]. Отметим, что данная теория также важна для научного анализа, так как позволяет рационализировать военные события, а также определить критерии для нравственной и правовой оценки событий [15; 16].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В качестве примера можно привести доклады Генерального секретаря о работе миссии МИНУСКА в Центральноафриканском регионе за 2021 год, в которых подробно описываются стычки местного населения с миротворцами, организация информационных кампаний, порча имущества ООН, нападения на миротворческий персонал.

(2) В данном случае достаточно вспомнить результаты операций в Косово или Афганистане, где до сих пор размещены миротворческие контингенты, однако ситуация так и не стабилизировалась до конца. Так, например, международная операция по силовому установлению мира в Косово на основе резолюции СБ ООН в связи с VII главой Устава ООН в июне 1999 г. при поддержке сил НАТО привела в конечном итоге к отделению Косово от Сербии (что поднимает вопрос о территориальной целостности государства СРЮ), изменению этнического баланса в регионе, распаду СРЮ, финансовому и экономическому кризису в большинстве государств Балканского региона, росту потоков беженцев и росту преступности.

В отношении ситуации с Афганистаном стоит отметить, что деятельность образованных в декабре 2001 г. Международных сил содействия безопасности (МССБ) ООН не привели к окончательному урегулированию конфликта вплоть до их вывода в 2014 г. Более того, несмотря на множество боев, в том числе при содействии НАТО, сегодня во главе правительства Афганистана стоят именно силы Талибана, а государство по-прежнему испытывает сложную гуманитарную и экономическую ситуацию, что отражает сегодня, что операция сил ООН, длившаяся более 10 лет, не остановила конфликт и не привела к налаживанию ситуации в регионе.

(3) В качестве особенностей современного времени можно отнести информационные войны [3], гибридные войны [5], появление частных военных компаний (ЧВК) [4; 9], участие наемников в конфликтах (более подробно см. [2]), появление террористических организаций [11].

(4) Здесь, например, можно вспомнить, что 25 ноября 2019 года в очередной раз с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН снова прозвучала речь о необходимости реформировать Совет Безопасности. Представитель Франции Николя де Ривьер среди потенциальных кандидатов озвучил так называемую «Группу четырех» – Германию, Японию, Индию и Бразилию, взносы которых в бюджет Организации значительно больше, чем у постоянных членов СБ – Китая или России (См.: <https://ria.ru/20191127/1561635837.html>).

(5) К принципам *jus post bellum* относятся вопросы завершения войны и восстановления государств: пропорциональность (требования по отношению к проигравшей стороне должны соответствовать мере причиненного ущерба), восстановление прав суверенитета и территориальной целостности проигравшей стороны, пропорциональность наказания политического руководства и военных в соответствие с долей ответственности принимаемых ими решений, вопрос компенсации, вопрос политической реконструкции и восстановления проигравшей стороны-агрессора.

(6) Легитимная власть (перевод с латинского языка).

(7) Например, в Департаменте по политическим вопросам 14 из 23 миссий возглавляются представителями стран развивающегося мира. Комиссия по миростроительству имеет в своем составе лишь 13 стран развивающегося мира (всего 26 стран). Департамент миротворческих операций возглавляется 7 ответственными лицами, 4 из которых не относятся к государствам развивающегося мира.

(8) Отметим, что неклассическая теория отличается в основном тем, что в процессе конфликта государство продолжает следовать постулатам классической теории, в то время как негосударственные акторы действуют в рамках неклассической теории: вследствие отсутствия легитимной власти отменяется принцип легитимности власти, для государства, противоборствующего негосударственным акторам, предусмотрена отмена принципа

крайнего средства, а также становится возможным использовать превентивные действия.

(9) Так, по данным СИПРИ 2021 г., в 2020 г. вооруженные столкновения проходили в 39 государствах мира. Среди них 18 конфликтов носило характер внутригосударственного конфликта: Афганистан (количество жертв оценивается в более 21 000 человек), Йемен (19800), Мексика (8400), Сирия (8000), Нигерия (7800), ДРК Конго (5800), Эфиопия (3600), Сомали (3100), Мали (2800), Ирак (2700), Южный Судан (2400), Буркина-Фасо (2300), Мозамбик (1800), Камерун (1600), Ливия (1500), Филиппины (1400), Индия (1300), Нигер (1100) [21].

(10) Упоминание о законности ряда превентивных действий также встречается в книге М. Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями» [19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бугров К.Д., Логинов А.В. «Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли» // Полис. Политические исследования. 2020. № 5.

2. Громов В.Г., Алхумрани Хасан Тахсин Али. «О проблемах предупреждения наемничества в Ираке» // Эксперт: теория и практика. 2021. № 1.

3. Жадунова Н.В. «Принципы справедливой войны в контексте информационных войн» // Философия и общество. 2017. № 2.

4. Зайцев А.Я., Манойло А.В. «Роль частных военных компаний в использовании технологии «облачного противника» // Вестник Российской Академии Наук. 2021. № 2.

5. Иванов А.В. «Война и справедливость: моральные основания современной теории справедливой войны» // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 5.

6. Иванов А.В. «Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории «справедливой войны» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2.

7. Калдор М. «Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху». Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015.

8. Кашиников Б.Н. «Глобальный суверенитет и моральная деградация войны» // Вопросы философии. 2020. № 2.

9. Куликов Е.А. «Проблема освещения деятельности частных военных компаний в СМИ» // COLLOQUIUM – JOURNAL. 2021. № 2-2.

10. Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3.

11. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. «Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная война» // POLITBOOK. 2020. № 3.

---

12. Макмаан Дж. «Переосмысляя «справедливую войну» // Логос. 2019. Т. 29. № 3.

13. Маффеттоне С. Справедливая война и гуманитарная интервенция // Россия в глобальной политике. 2015 // <https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivaya-vojna-i-gumanitarnaya-intervenciya/>.

14. Никитин А.И. Международные конфликты. Вмешательство, миротворчество, урегулирование. М.: Аспект Пресс, 2017.

15. Сидоренко И.Н. «Феномен «справедливой войны» и ее трансформация в современном мире» // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2020. № 1.

16. Уолцер М. «Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха)» // Логос. 2019. № 3.

17. Фоушин Н. «Две теории справедливой войны» // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2.

18. Якушев Л.В. «Современные теории справедливой войны» // Этическая мысль. 2016. № 2.

19. Michael Walzer. Just and Unjust wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. New York, 1977.

20. Nikitin Alexander. International Security: World Order, Conflict Resolution, Arms Control, and Counter-Terrorism. (Монография на англ. яз.) Moscow: MGIMO, 2020. ISBN 978-5-9228-2209-1.

21. SIPRI Yearbook 2021. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2021.

E.P. SHANCHENKO

*Junior researcher, Institute for International Studies,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);
PhD candidate, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations (IMEMO)
Russian Academy of Science, Moscow, Russia*

UN PEACEKEEPING OPERATIONS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF JUST WAR

In this article the author depicts in detail the theory (group of theories) of just war. Referring to the classical postulates of these theories (the principles of initiation of war and the principles of rules of engagement in combat), the author analyzes how “just” could be the involvement of the UN peacekeeping contingents in conflict resolution. On the one hand, the conduct of a peacekeeping operation is connected with the intention to stop the bloodshed, and the “fairness” of the participation of peacekeeping contingents is also connected with the involvement

---

of the world community in the settlement of the conflict through UN peacekeeping forces. At the same time, it should be recognized that the UN is a non-state actor, in a meaning of the classical postulates of the theory of just war. To analyze the actions of non-state actors, the author appeals to the non-classical approach of the American expert N. Foushin. Similarly, the author raises questions about the compliance with the principle of legitimacy of an authority (representation of countries in the UN Security Council, active financing by Western partners of the UN Fund, the Peacebuilding Commission Fund, the fund of the Office for the Coordination of Humanitarian Affairs), as well as the lack of correlation between the list of countries providing peacekeeping contingents and the circle of states making political decisions regarding the content of the UN mandates. Also, compliance with the principles of jus post bellum, which appeared in the scientific discourse relatively recently, is associated with the conduct of peacekeeping operations (proportionality of claims against the losing side, restoration of the rights of sovereignty and territorial integrity of the losing side, proportionality of punishment of the political leadership and the military in accordance with the share of responsibility of their decisions, the issue of compensation, the issue of political reconstruction and restoration of the party that lost). Due to possible non-compliance with a number of principles of a just war (the principle of legitimacy, the principle of a just cause, the principle of probability of success, the principles of jus post bellum), some peacekeeping operations may not be considered as “just” by certain political actors.

Key word: “just war”, justice, the United Nations, jus ad bellum, jus in bello, jus post bellum, peacemaking operations.